

УДК 821.111 (71)

РОМАН ШЕННОН СЕЛИН «НАПОЛЕОН В АМЕРИКЕ»: ДОКУМЕНТ В АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

© Марина Бронич

“NAPOLEON IN AMERICA” BY SHANNON SELIN: DOCUMENTARY EVIDENCE IN ALTERNATIVE HISTORY

Marina Bronich

The paper discusses the role of the document in alternative history fiction through analyzing Shannon Selin's novel "Napoleon in America" oriented towards the excessive usage of documentary sources which, on the one hand, makes the fabrication reliable and, on the other hand, paradoxically enhances the subjective and hypothetical character of the narrative. The novel weaves a subtle texture of letters, diaries and memoirs of real historical figures, with only minor adjustments to fit the initial what-if twist in the facts of the past, and also of pseudo-documents such as newspaper clippings regarding Napoleon's affairs in America and Europe's reactions to the developments across the Atlantic. The historical process, as represented by Selin, is emphatically discursive because the novel is overflowing with "conversational" episodes, in which characters sound as if they were quoting memoirs, their own archived correspondence and diaries, and, occasionally, even history textbooks. The portrayal of Napoleon is very much in line with what has been a long-running American tradition of juxtaposing the French Emperor's aggressive ambitions against strictly peace-loving and humane objectives pursued by the political establishment of the United States. Instead of using documentary evidence as a basis for fictional narrative, Selin starts with the imaginary that she goes on to validate with often seemingly authentic documentary evidence. It helps transpose real historical events into a suitable frame of reference to demonstrate the inevitable combination of circumstances that led to the annexation of Texas and shaped the entire foreign policy of the United States enshrined in the Monroe Doctrine. Selin's overriding use of the documentary narrative to validate her alternative history actually obliterates the branch point, which is so essential to the genre, and the novel reads merely as one of projected realizations of the American principles of power politics.

Keywords: alternative history, Shannon Selin, Napoleon, documentary evidence, pseudo-document.

Работа посвящена проблеме функционирования документа в жанре альтернативной истории на примере романа Шеннон Селин «Наполеон в Америке», в котором ориентация на максимальное использование документальных источников парадоксально приводит, с одной стороны, к достоверности вымысла, а с другой – к усилению субъективности и гипотетичности повествования. Роман соткан из писем, фрагментов дневников и мемуаров реальных исторических лиц, лишь слегка скорректированных в силу условности исходного допущения, а также псевдодокументов, представленных прежде всего выдержками из газетных статей, освещающих пребывание Наполеона в Америке и реакцию Европы на события, разворачивающиеся по ту сторону Атлантики. Исторический процесс в изображении писательницы носит дискурсивный характер благодаря перенасыщенности «разговорными» эпизодами, в которых герои говорят языком мемуаров, принадлежащих им писем и записок, а то и учебников истории. Обращение к образу Наполеона в романе Ш. Селин соответствует сложившейся на континенте традиции противопоставления агрессивных устремлений французского императора исключительно миролюбивым и гуманным целям американского политического истеблишмента. Писательница идет не от документа к вымыслу, а наоборот, от созданного воображением к его документации, зачастую мнимой, которая облегчает транспонирование реально состоявшихся исторических событий в удобную систему координат, иллюстрирующую неизбежность аннексии Техаса и всего внешнеполитического курса США, сформулированного в доктрине Монро. Подчеркнутая документальность в предложенной Ш. Селин альтернативной истории устраняет присущую жанру «развилку», и роман прочитывается как проекция реализации американских принципов силовой политики.

Ключевые слова: альтернативная история, Шеннон Селин, Наполеон, документ, псевдодокумент.

Альтернативная история, широко популярный жанр литературы, в последнее время стал фокусом напряженных теоретических дискуссий, охватывающих широкий спектр проблем – от нюансов терминологии, характера взаимоотношений с исторической наукой и историографией до попыток построения типологии жанра. Расцвет «научно-исторической альтернативы» и жанра альтернативной истории в литературе начинается после Второй мировой войны. Необыкновенный всплеск интереса к ретропрогнозированию в науке и литературе подстегивался не только резко усложнившимся политическим и социокультурным состоянием мира, но и интенсивным развитием новых подходов к изучению общественного развития, в частности синергетического, акцентирующего возможность альтернативного выбора пути в т. н. точках бифуркации – ключевых моментах истории или «развилках». Среди популярнейших развилок у авторов альтернативных историй, наряду с исходом Второй мировой войны и Гражданской войны в США 1861–1865 гг., является финал наполеоновских войн и дальнейшая возможная судьба Наполеона, к интерпретации которой обращались и писатели, и историки, начиная, как считается, со статьи Джорджа Тревельяна «Если бы Наполеон выиграл битву под Ватерлоо» (1907). Однако в беллетристике задолго до появления провокационной статьи блестящего английского историка большую известность обрела книга Луи Жоффруа «История всемирной монархии. Наполеон и завоевание мира 1812–1832» (1836).

Бытует мнение, что если в исторической реконструкции вероятного хода развития события должны быть «спаяны между собой непротиворечивыми причинно-следственными связями» [Невский], то в художественной литературе автор, давая волю своей фантазии, вправе «свободно путешествовать по любым возможным мирам» [Doložel, с. 23]. В то же время, как справедливо утверждает Р. Кацман, «альтернативная история не просто вымысел – это жанр, в котором находит свое выражение определенная картина мира, способ мышления и принципы поэтики, которые не ограничены жестко заданными рамками жанров, теоретических направлений или исторических эпох» [Katsman, с. 9].

Фантастические допущения в исторической прозе, опирающейся на принципы историзма, позволяют глубже осмыслить сущность изображаемого явления, показать наличие тех или иных завуалированных тенденций в обществе (Ф. Рот «Заговор против Америки»), сфокусировать внимание на скрытых от широкой публики качествах исторических лиц, «примерив» им новые

судьбы (С. Таунсенд «Мы с королевой») или предложить для обсуждения масштабные философско-нравственные проблемы (Т. Уайлдер «Мартовские иды»). Однако переигрывание истории может стать средством сокрытия исторической правды, способом апологетики, служить упрочению удобных политических доктрин. Для массовой беллетристики, эксплуатирующей историческую тему в откровенно идеологических целях, «инструментальный подход к жанру альтернативной истории» [Гуларян] вполне традиционен.

В этой связи весьма примечательна книга канадской писательницы Шеннон Селин «Наполеон в Америке» (2014), изданная накануне двухсотлетней годовщины битвы при Ватерлоо и Венского конгресса, определившего очертания посленаполеоновской Европы. В отличие от традиционных «наполеоновских» реконструкций, в основе которых лежат гипотезы о триумфе Наполеона после выигранных кампаний (например, русской) или сражений (Ватерлоо), Ш. Селин обращается к сценарию бегства императора с острова Святой Елены, ко «второй жизни Наполеона», вероятность которой почти сто лет назад рассматривал в одноименном фантастическо-приключенческом романе М. Г. Первухин («Вторая жизнь Наполеона?», 1917). Канадская писательница ориентируется на современный исторический роман, в эволюции которого исследователи подметили интересную закономерность в соотношении документальности и вымысла: усиление роли документа в исторической прозе увеличивает субъективность и гипотетичность создаваемых образов, позволяет романисту отстаивать свое «право на собственный вариант судьбы персонажа» [Баканов, с. 36].

В отличие от русского писателя-фантаста, познакомившего читателя со всеми деталями заговора, перипетиями бегства Наполеона с острова Святой Елены и его дальнейшими африканскими приключениями, Ш. Селин без излишних подробностей перемещает своего героя в Соединенные Штаты Америки, где обосновались после Реставрации многие наполеоновские офицеры и где с 1817 года живет брат императора Жозеф, бывший король испанский. Приезд Наполеона в Америку как сюжетный ход дает возможность показать разношерстную «наполеоновскую» диаспору и нарисовать широкую картину процесса адаптации иммигрантов к новой родине, представив различные варианты судьбы «*in this land of peace and happiness*» [Selin, с. 202].

События романа разворачиваются неспешно. Мучительная болезнь Наполеона, которая чуть было не свела его в могилу, постепенно отступа-

ет. Из Нового Орлеана, куда он прибывает на корабле знаменитого пирата Лафита и где устраиваются пышные празднества в его честь, Бонапарт отправляется в имение Жозефа Поинт Бриз. Здесь на роскошном приеме в честь своего 52-летия император знакомится с представителями американского политического истеблишмента, такими вершителями судеб США, как госсекретарь Джон Квинси Адамс, сенатор Генри Клей, президент Второго банка Соединенных Штатов Николас Биддл, бывший конгрессмен и видный филаделфийский адвокат Джозеф Хопкинсон, окружной прокурор Пенсильвании Чарльз Ингерсол, и пытается их уверить в искренности своего желания вести жизнь частного лица. Затем он в компании своего брата и преданных ему генералов совершает ознакомительную поездку по стране, проехав сотни миль от Нью-Йорка через Филадельфию и Питтсбург до Луисвилля и Чарльстона. Все, с кем он встречается, возлагают на него какие-нибудь надежды. Противники Реставрации рассчитывают на то, что Наполеон отвоюет Францию. Представители Квебека просят его отобрать Канаду у Британии. Американские авантюристы убеждают его захватить Техас и т. д. Вокруг императора собираются остатки Великой армии, которую Наполеон и ведет на Запад, чтобы создать на малоосвоенных территориях Техаса Новую Францию, колонию для своих верных соратников, вынужденных покинуть Европу и оказавшихся в непрестом материальном положении. Роман, у которого, как обещает автор, будет продолжение, завершается первыми «победами» Бонапарта над мирными жителями мексиканских поселений.

Как это ни парадоксально, но книга Ш. Селин претендует на историческую основательность и опору на документ. Она соткана из писем, фрагментов дневников и мемуаров реальных исторических лиц, лишь слегка скорректированных в силу условности исходного допущения, а также псевдодокументов, представленных прежде всего выдержками из газетных статей, освещающих пребывание Наполеона в Америке и реакцию Европы на события, разворачивающиеся по ту сторону Атлантики.

В скрупулезности, с какой автор стремится документировать каждое событие повествования, каждую деталь в облике персонажей, обнаруживается установка на присущую документальной литературе подлинность, которая, по словам Л. Я. Гинзбург, «далеко не всегда равна фактической точности» [Гинзбург, с. 10]. Книга снабжена списком источников, из которых заимствованы фрагменты писем и воспоминаний, а также перечнем всех персонажей с датами жизни, ти-

тулами и званиями. Автор утверждает, что более трехсот источников было привлечено, чтобы превратить этот роман в похожую на правду чудовищную ложь [Selin, с. 296]. Пытаясь создать иллюзию исторической достоверности описываемых событий, Ш. Селин заставляет своих героев говорить языком мемуаров, произносить фразы из принадлежащих им писем и записок, а то и просто учебников истории. Возникает весьма забавный эффект, который можно назвать «декламационным». Различия между разговорной и письменной речью стираются. А если учесть, что мемуары, дневники и письма участвующих в действии исторических лиц (не говоря уже о популярной исторической литературе) имеют откровенно публичный характер, то есть ориентированы не только на конкретно указанного адресата, а на довольно широкий круг читателей, а стало быть, соответствующим образом отредактированы, то герои романа выступают как «докладчики» на конференции, зачитывающие свои сообщения согласно программе.

Так, комментарий Наполеона по поводу победы под Саратогой представляет собой набор банальных фраз, заимствованных из кратких учебников истории, даже без попыток придать им видимость лингвистической аутентичности:

The battle may be considered as having decided the war of the Revolution <...> From that period the British cause began rapidly to decline. The surrender of Burgoyne was of as much importance as hat of Cornwallis. It led directly to the alliance with France, which was indispensable to the Americans, and gave to them the one thing they needed, a fleet [Там же, с. 78].

Наполеон вещает по любому поводу, даже по поводу непогоды, заставшей его в пути и вынудившей остановиться.

Ораторствует не только Наполеон, но и прочие персонажи романа. В частности, объяснение Биддла, почему Нью-Йорк такой удобный для торговли город, являет собой то ли газетную статью, то ли комментарии экскурсовода (впрочем, глава называется «Экскурсия»), то ли фрагмент из популярного учебника истории, в котором в обязательном порядке есть упоминания о бегущих по незамоленным улицам свиньях. А Чарльз Ингерсол даже на «soigee» миссис Джон Квинси Адамс в частной беседе произносит речь как будто с трибуны Конгресса:

I have heard that the project of the Cortes government in Spain is to compromise with South America – to recognize Columbia, Buenos Aires and Chile, but to retain Mexico and Peru. The mass of the Spanish people have no interest in the subjugation of south America and would

readily agree to its liberation. There are only three classes who are averse: the city of Cadiz, for the monopoly; the navy, for the profits of superintending the monopoly; and those sent from Spain to fill the offices in the colonies [Там же, с. 132].

Не только прямая речь персонажей, но и их характеристика зачастую «грешит документальностью», строится на шаблонных в исторической литературе метафорах. Так, Меттерниха, как правило, называют пауком из-за широко известной фразы, которую он произнес после принятия Карлсбадских соглашений: «Я раскинул сеть». И Ш. Селин, создавая портрет канцлера, не забывает напомнить об этом своему читателю: «*He saw again a chance to spin a web in the style of his friends the spiders whom he liked to watch*» [Там же, с. 95].

Роман в целом лишен динамики действия. Большинство глав представляют собой собрание «разговорных эпизодов». Беседы житейского характера перемежаются обсуждением политической обстановки, а Веронский конгресс представлен в частных кулуарных беседах исторических лиц. Исторический процесс в изображении Ш. Селин носит дискурсивный характер. Насыщенность исторического колорита претворяется не в зрительных образах, а в коллаже из документов. Есть главы, целиком составленные из писем, дневниковых записей, сделанных в Вене, Лондоне, Париже, дающих обобщающую картину политической жизни Европы и настроений, царящих в обществе. Автор умело монтирует в единое целое документы достоверные и имитированные, перемежая их мизансценами при королевских дворах или в светских салонах. Писательница идет не от документа к вымыслу, а, наоборот, от созданного воображением к его документации, естественно, мнимой. Поэтому все фрагменты романа тщательно датированы и выступают как достоверные источники.

Ш. Селин стремится воссоздать не столько сами события, сколько особенность общей атмосферы посленаполеоновского времени: подлинное письмо Доротей фон Ливен, супруги русского посланника в Великобритании, канцлеру Меттерниху о настроениях при британском дворе соседствует с жанровой зарисовкой внутрисемейных, а по сути политических, разногласий в Сен-Клу, резиденции французского короля. В одном ряду с прокламацией префекта Роны и обращением Людовика XVIII к Палате пэров в связи с бонапартистским заговором 1822 года представлены вымышленные выдержки из газетной хроники о реальном мятеже, поднятом генералом Бертоном в Туре и Сомюре весной 1821 года, и

столь же вымышленная пространная беседа бывших наполеоновских генералов Фуа и Савари с маркизом Лафайетом о перспективах заговора. Стилизованные заметки в духе газеты «Таймс» и «Луизианский курьер» сообщают с противоположных точек зрения о раскрытии бонапартистского заговора в Париже. Вслед за фрагментом из письма Веллингтона (с произвольными авторскими вставками) о плачевном состоянии здоровья французского короля следует сцена казни на Гревской площади главаря заговора бывшего наполеоновского бригадного генерала Ж.-П. Пиа, который в реальности ушел из жизни глубоким стариком, обласканным и режимом Реставрации, и Июльской монархией.

Действие бессюжетного романа свободно переносится из Европы в Америку и обратно благодаря курсирующим между странами и континентами письмам, но главное, благодаря газетным обозрениям текущих политических событий как в странах Священного Союза, так и за океаном, которые печатаются на одной полосе. Показательно, что «горячие» сообщения из Вены, Парижа или Лондона всегда уравниваются не менее тревожными новостями из Мексики, где разворачивается беспощадная борьба за освобождение, за власть, за территории. Расстановка акцентов, соответствующая историческому моменту – подготовка вторжения французских войск в охваченную революцией Испанию и обретение независимости испанскими колониями в Латинской Америке, – выдвигает на первый план проблему американской экспансии на Запад и, конкретнее, взаимоотношений с Мексикой. Проблема эта становится центром дискуссий в правящих кругах США, предметом дипломатической переписки между американским и испанским внешнеполитическими ведомствами и объектом поначалу размышлений, а затем и военных действий Наполеона.

Ш. Селин использует сложившийся в американской культуре канон восприятия образа Наполеона как человека, который сам себя сделал, как «героя действия», но также и как воплощение военного деспотизма. «В продвижении американцев на Запад образ Наполеона служил им путеводной звездой. <...> С одной стороны, этот образ оправдывал экспансию идеей предназначения, а с другой – позволял резко противопоставлять военный характер французских завоеваний миролюбивой американской экспансии» [Ehlers].

В контексте романа план захвата новых территорий принадлежит французским иммигрантам, бывшим наполеоновским офицерам. Не случайно среди главных сподвижников Наполе-

она в техасской авантюре оказывается пират Лафит, подталкивающий императора к военной кампании, и генерал Шарль Лаллеман, как известно, бежавший после второй Реставрации в Америку и пытавшийся еще в 1817 году основать в Техасе французскую колонию «Champ d'asile», а также планировавший похитить императора с острова Святой Елены.

Само изображение военной экспедиции в Техас, довольно лапидарное и схематичное, отсылает к известным образам из исторических и художественных текстов, рисующих европейские и африканские походы французского завоевателя: героизм беспримерно преданных императору солдат, разорение захваченных поселений, мародерство, беспощадная расправа с мятежниками и распространение демагогических воззваний. Однако в описании техасского похода появляются новые интонации. Измученный жарой, насекомыми, столкновениями с индейцами, тактика которых французам непонятна, отряд численно сокращается более чем в пять раз. Среди солдат начинается разочарование в Наполеоне и его военном гении. Да и сам Наполеон все чаще вспоминает не былые победы, а поражения – под Москвой, Лейпцигом, на берегах Нила. Он теряет былую уверенность. Его талант читать карты и видеть перспективу движения войск оказался бесполезным: карты Мексики далеки от реальности, он вынужден полагаться на донесения разведчиков. И свою звезду он уже не видит. В Америке, пытается уверить автор читателя, побеждать сложнее, чем в Европе или Азии.

Характерным для рецепции Наполеона в Америке является и противопоставление необузданного своеволия, предельного эгоцентризма и пренебрежение нормами морали бывшего императора общественным и личным добродетелям американских государственных мужей. Автор создает галерею парадных портретов представителей политической элиты. Генри Клей – «*pride and glory of Kenucky*» [Selin, с. 59], Джозеф Хопкинсон – «*for whom justice, reason and the great interesrs of man spoke through timeless and universal law rather than the self-interest of a man and his family*» [Там же, с. 68], Джеймс Монро – «*was a fierce partisan of the French Revolution and a friend of*» [Там же, с. 208]. Разные по своим политическим взглядам, они представляют правительство «*consistent with its principles, torn by no evil passion peculiar to the reining family*» [Там же, с. 275] и объединены общей целью служения благу народа, во имя которого ищут пути «законным» образом (в отличие от наполеоновской военной аферы) расширить границы страны, выдвигая в качестве аргумента защиту республиканских

ценностей в противовес притязаниям любых монархов, будь то Бонапарт или Бурбоны.

Альтернативный сценарий, предложенный Ш. Селин, не противоречит основным тенденциям исторического процесса. В Европе идет сложная дипломатическая игра, собирается Веронский конгресс, ужесточается борьба с либеральными веяниями, готовится интервенция в Испанию, а в Америке нарастает национально-освободительное движение в испанских колониях, оформляется доктрина Монро и т. д. Вопрос альтернативной истории: «А что было бы, если...?», оказывается риторическим. Исторической развилки не возникает. Наполеоновский поход в Техас выступает как камуфляж начавшихся в 1821 году массовых захватов техасских земель плантаторами Юга, а также служит удобным аргументом принятия срочных мер для защиты американского континента от угрозы европейской интервенции, слухи о которой были сильно преувеличены. Ш. Селин, политолог по образованию, много лет проработавшая во внешнеполитическом ведомстве Канады и прекрасно владеющая навыками работы с историческими и дипломатическими документами, независимо от своего замысла, наглядно демонстрирует, как подчеркнутая документальность дает новую транскрипцию известных событий.

Список литературы

- Баканов А. Г. Современный зарубежный исторический роман. Киев: Выща школа, 1989. 184 с.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971. 464 с.
- Гуларян А. Б. Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта. URL http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (дата обращения: 03.07.2015).
- Невский Б. А что, если бы? Альтернативная история как наука. URL: http://alternativa.lib.ru/ah/subject/ai_science/index20223card22142.htm (дата обращения: 26.01.16).
- Doložel L. Possible Worlds of Fiction and History: The Postmodern Stage. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 171 p.
- Ehlers M. Napoleon's Ghost, Napoleonic Memory and Popular Culture in Early America. URL: <http://www.napoleonicsociety.com/english/pdf/j5ehlers.pdf> (дата обращения: 02.07.2015).
- Katsman R. Literature, History, Choice: The Principle of Alternative History in Literature (S.Y. Agnon, The City with All That is Therein). Cambridge Scholars Publishing, 2013. 328 p.
- Selin Sh. Napoleon in America. Vancouver: Dry Wall Publishing, 2014. 303 p.

References

- Bakanov, A. G. (1989). *Sovremennyi zarubezhnyi istoricheskii roman* [Modern Foreign History Novel]. 184 p. Kiev, Vyshcha shkola. (In Russian)
- Doložel, L. (2010). *Possible Worlds of Fiction and History: The Postmodern Stage*. 171 p. Baltimore, Johns Hopkins University Press. (In English)
- Ehlers, M. (2015). *Napoleon's Ghost, Napoleonic Memory and Popular Culture in Early America*. URL: <http://www.napoleonicociety.com/english/pdf/j5ehlers.pdf> (accessed: 02.07.2015). (In English)
- Ginzburg, L. Ja. (1971). *O psikhologicheskoi proze* [On Psychological Prose]. 464 p. Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
- Gularian, A. B. (2015). *Zhanr al'ternativnoi istorii kak sistemnyi indikator sotcial'nogo diskomforta* [Alternative History Genre as a System-defined Gauge of Social Discomfort]. URL: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (accessed: 03.07.2015). (In Russian)
- Katsman, R. (2013). *Literature, History, Choice: The Principle of Alternative History in Literature (S.Y. Agnon, The City with All That is Therein)*. 328 p. Cambridge Scholars Publishing. (In English)
- Nevskii, B. (2016) *A chto, esli by? Al'ternativnaia istoriia kak nauka* [What if? Alternative History as Science]. URL: http://alternativa.lib.ru/ah/subject/ai_science/index20223card22142.htm (accessed: 26.01.16). (In Russian)
- Selin, Sh. (2014). *Napoleon in America*. 303 p. Vancouver, Dry Wall Publishing. (In English)

The article was submitted on 26.05.2016
Поступила в редакцию 26.05.2016

Бронич Марина Карповна,
доктор филологических наук,
профессор,
Нижегородский государственный
лингвистический университет,
603155, Россия, Нижний Новгород,
Минина, 31 а.
zarub@lunn.ru

Bronich Marina Karpovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Nizhny Novgorod Linguistic University,

31 a Minin Str.,
Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation.
zarub@lunn.ru